

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

*С. В. ЖАВОРОНКОВ,
К. Э. ЯНОВСКИЙ*

Неформальные институты в России и укрепление институтов свободы и собственности

Несовместимость глубоко укорененных неформальных институтов и институтов, ограничивающих власть и полномочия правительства, гарантий экономических и политических свобод, собственности является сильным и часто используемым аргументом против попыток их внедрения в России. Исторические сопоставления и анализ релевантных социологических, демографических данных подтверждает обоснованность опасений. В то же время показывает, что ситуация далеко не безнадежна и, в принципе, корректируема.

Ключевые слова: неформальные институты, модернизация, российская модернизация, ограничения власти, экономические свободы, политические свободы.

Еще на закате социализма, когда уже было ясно, что “свобода лучше несвободы”, одной из неформальных, но распространенных апологий сохранения неограниченного в полномочиях государства был аргумент “с нами иначе нельзя”, “здесь вам не Швейцария”. Подобные, только “облагороженные” использованием научной лексики аргументы против попыток внедрения в России институтов, ограничивающих власть и полномочия правительства, против заимствования западного опыта независимого гражданского общества имели и имеют широкое хождение. Это уводит от обсуждения действительно одной из ключевых проблем страны, только нащупывающей свой путь к процветанию, — проблемы совместимости новых институтов с глубоко укорененными неформальными нормами.

Наша гипотеза состоит в том, что при всей серьезности обозначенной проблемы в случае России, препятствия к созданию институтов защищающих собственника и его собственность не непреодолимы. Главные аргументы в пользу такого вывода мы находим, сравнивая современную Россию с некоторыми странами, в которых институты, защищающие собственника и собственность, внедрились исторически поздно по сравнению с Голландией, Британией и США. Среди таковых, к примеру, Япония, Индия, Испания. Естественно, сравнивать необходимо с ситуацией в этих странах накануне старта относительно успешных реформ. Анализ иных данных (опросы, уголовная и демографическая статистика) подтверждает и серьезность проблемы, и ее принципиальную разрешимость.

Жаворонков Сергей Владимирович — старший научный сотрудник научного направления “Политическая экономика и региональное развитие” Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара. Адрес: 125993, Москва, Газетный пер., д. 3, корп. 5. E-mail: javoronkov@iep.ru.

Яновский Константин Эдуардович — кандидат экономических наук, директор Shomron Center for Economic Policy Research (Израиль). Адрес: 44855, Kley Shir, 8 Karney Shomron, Israel. E-mail: janovski@iep.ru.

Проблематика заимствования (импорта, трансфера, трансплантации) институтов (терминология еще не устоялась) очень интересует ученых из сравнительно молодых демократий и стран с переходной экономикой. Однако первый всплеск интереса к ней относится к периоду ухода бывших метрополий из колоний и резкого роста числа независимых государств. Тот период дал примеры поставленных над собой (точнее, новыми лидерами над своими народами) экспериментов [Hunter 1968; Lerner, Pevzner 1964].

Эксперименты в большинстве своем принесли малоутешительные результаты. Часть исследователей предсказывали трудности с адаптацией западного опыта развивающимися странами из-за отличия африканских стран от стран Европы XIX в., когда там кое-где подушечные доходы еще были сопоставимы с африканскими в 1960-х гг. При этом работы не демонстрируют глубокого понимания причин и сути таких отличий.

Г. Ле Бон утверждал, что коллективная психология (“характер народа”) весьма устойчива и никакими политическими институтами не корректируется. Явно имея в виду французских социалистов конца XIX в., он утверждает, что только фанатик может рассчитывать изменить общество, издав соответствующий указ. Позднее он подчеркивал ту же мысль, сравнивая неписаную (“некодифицированную”) британскую конституцию с многочисленными латиноамериканскими конституциями [Ле Бон 2014, с. 94, 250–251].

С учетом контекста следует заметить, что данное возражение не означает отрицания способности удачно подобранных формальных институтов влиять на неформальные и удачно адаптироваться. Но насколько применима эта аргументация к любым институтам — этатистским, социалистическим и либеральным, частной собственности, свободы контракта и т.п.? Психологические индикаторы нечетки и не дают качественного прогноза. В любом народе, не имеющем опыта свободы и частной собственности, укоренены представления о “фиксированном пироге” (успех и процветание возможны лишь в результате отъема благ у кого-то — насилием или обманом). Есть народы, чье представление о свободе и частной собственности исходят, в основном, из чужих примеров (через впечатления от поездок в более богатые и свободные страны). Среди них распространено представление, что таковые свободы и собственность должны быть достоянием лучших членов общества (включая, естественно, самого себя), но опасны при всеобщем использовании.

Другим излюбленным аргументом правительств отстающих государств является то, что благосостояние развитых стран было-де “награблено”. При этом не учитывается, что войны и грабежи намного чаще случались в истории тех же африканских или восточных стран, нежели европейских, и что “награбленный запас” никак не объясняет успехов многих стран, практически никогда не воевавших (Швейцарии, Сингапура, Исландии или Новой Зеландии).

А. Олейник отмечает, что зачастую правящая элита заимствует институты, дающие те или иные выгоды (пропагандистские, международный престиж), но при этом соответствующие уже сложившимся неэффективным институтам [Oleinik 2005]. В созданную систему встраиваются фрагменты демократических институтов для поддержания властных структур, сформировавшейся бюрократии.

Принципиально иной смысл вкладывается в понятие “неформальных институтов” в США в [Azari, Smith 2012]. Здесь, по сути, речь идет о знакомом явлении “неписаных законов” (таких, как правило, двух сроков до Ф.-Д. Рузвельта, зафиксированное письменно только после смерти нарушителя в начале его четвертого срока). Принципиальное отличие здесь то, что “неписанные правила” строго вписаны в рамки конституционной демократии и власти закона. Неписанные же правила недемократических обществ (обществ с незрелой демократией) отражают сложившиеся доправовые (антиправовые) реалии и в значительной мере их фиксируют [Gel'man 2004; O'Donnell 1998]. В лучшем случае они открывают пути для обхода наиболее обременительных формальных норм (блат, иные личные связи, коррупция). В таких странах для многих сильных и амбициозных лидеров идеал, символ успеха — безнаказанность, неподотчетность.

Что требуется для того, чтобы институты Rule of Law доминировали

Ответ звучит почти банально. Самое желательное — необходимо время для их укоренения, в течение которого общество “привыкает” и к независимости суда, и к его непредвзятости. В целом уже сформулированы разумные условия, при которых формальное право заведомо “переигрывает” неформальные институты. Это:

- предсказуемость законодательства, его открытость и ясность;
- оно должно быть сравнительно стабильным;
- само законотворчество должно протекать в рамках открытых, стабильных, понятных общих правил (конституционных норм);
- гарантированность независимости суда;
- соблюдение принципов естественной справедливости (открытые слушания в соответствии со справедливой процедурой и при отсутствии пристрастности);
- у суда должно быть право проверять соответствие закону подзаконных актов исполнительной власти;
- издержки доступа к правосудию должны быть невелики (суд должен быть доступен);
- не допускаются произвольные действия правоохранительных органов, способные извратить закон и правоприменение.

Такая ситуация сложилась в Великобритании в период между Славной революцией и началом промышленного переворота. За примерно 90 лет и без того сравнительно независимый и сравнительно уважаемый английский суд с репутацией, складывавшейся веками, создавший своими прецедентами основу для имевших конституционное значение Habeas Corpus Act и Билля о правах (Bill of Rights, 1689), стал восприниматься как данность. Практики XVIII в. уточнили границы прав и свобод, укрепили гарантии граждан, не говоря уже о том, что создали надлежащие механизмы защиты прав собственности, включая патенты¹.

В то же время нельзя не учитывать ситуации, когда неписанные неформальные нормы поддерживали по сути аналогичную конструкцию защиты прав собственности. Так, Р. Элликсон на локальном примере (графство Шаста, Калифорния), изучая обычаи местных скотоводов, показал, как при выполнении большей части вышеприведенных условий и в рамках протестантской культуры неформальные нормы (обычаи) нередко доминируют над формальными. При этом институты Rule of Law скорее укрепляются, нежели размываются, поскольку обычаи оказываются стабильнее настроений законодателя [Элликсон 2017].

Полезно вспомнить атипичный, но важный пример строительства институтов в послевоенных Германии и Японии. С одной стороны, тут нельзя не признать исключительность ситуации, когда старт переходного периода (строительства институтов) начинался с нуля: предшествующий режим полностью уничтожен и замещен оккупационной администрацией [Sa'Adah, 2006]. С другой стороны, в Германии строительство институтов велось в стране с немалой демократической и правовой традицией, прерванной тоталитарным режимом только на 12 лет. Причем следов (доказательств) заметных инициатив в сфере институционального строительства со стороны оккупационной администрации (в отличие от случая Японии) в Германии не было.

Зато имелись демократические политики, юристы, экономисты и мыслители, незапятнанные сотрудничеством с нацистами (такие как К. Ясперс, Л. Эрхард, К. Аденауэр, В. Брандт и др.). Удачный процесс подготовки Основного закона (см. [Жаворонков, Яновский, 2015]), богатая отечественная правовая традиция позволили подготовить качественную институциональную основу для дальнейшего развития формальных норм.

¹ Экономическую роль института суда в защите прав собственности выделил еще А. Смит. Практически все перечисленные условия к тому времени явно выполнялись.

Причем такого качества, которое снижает спрос на неформальные институты, конкурирующие с формальными и враждебные последним.

Противоположная ситуация создает резервации для неформального права, никак не связанного, а подчас враждебного формальному. Эта проблема признается, несмотря на некоторые, обычные для общественных наук идеологические ритуалы с обвинениями стран Запада и неолиберализма во всех несчастьях, к примеру, в [Meagher 2007]. Мировая практика знает множество примеров, когда даже весьма удачный набор формальных норм не становится гарантией от запуска процесса нового роста спроса на неформальные нормы в силу простоты последних. Речь идет о своеобразной инфляции формальных норм в результате избыточной активности законодателей.

Мягкая инфраструктура и границы государственного вмешательства

Проблема избыточного вмешательства законодателя в самые разные сферы человеческой деятельности достаточно давно обсуждается как теоретиками [Леони 2008], так и практиками [Rosenzweig 2003; Walsh, Joslyn 2010]. Д. Грин еще в 1990-х гг. объяснил это явление в XX в.², с одной стороны, разрастанием полномочий государства в сфере законодательства, с другой – формой подкупа новых слоев избирателя (всеобщее избирательное право и его последствия) [Грин 2009]. Такое вмешательство постепенно расширяет полномочия властей, вытесняя на обочину гражданское общество и делая граждан более зависимыми, инфантильными. Оно размывает грань между законным и противозаконным, приемлемым и наказуемым. Наконец, между наказуемым именно государством и аморальными поступками, традиционно караемыми обществом.

Сама возможность экспансии законодательства и неограниченного расширения полномочий власти требует принятия допущения о полноте информации в распоряжении власти, о добрых намерениях лиц, принимающих решения и зачастую даже об их необычных качествах – готовности не пользоваться огромными полномочиями на пользу себе или хотя бы не использовать их во вред другим (мы ранее писали об этом в [Институциональные... 2011] в главе о группах интересов).

Очевидно, что во множестве ситуаций, ныне регулируемых уголовным, семейным законодательством, законодательством о регулировании бизнеса, формальные рамки избыточны при наличии развитой “мягкой инфраструктуры” – морали, обычаев, основанных на монотеистической культуре, на морали Синайского откровения и вытекающих отсюда моральных ограничений. Причем, чем больше моральных запретов и самоограничений из числа универсальных моральных норм способно поддерживать общество (семья, местная или религиозная община, клуб по интересам), тем меньше спрос на государственное вмешательство и, как правило, тем выше качество поддержания порядка.

Многие указывают на то, что сообщество соседей, друзей, единомышленников и даже семья могут быть по-своему деспотичными и несправедливыми. Однако современный человек имеет огромные возможности выбора (пожалуй, кроме семьи). То есть среди общин, клубов и т.п. он может выбрать наиболее подходящие, те, с которыми он себя готов идентифицировать и чьи ограничения для него наиболее естественны. Сами же такие общины в состоянии разрешать куда больше конфликтных ситуаций без вмешательства государства, причем на порядок проще и дешевле чиновника и судьи [Эллисон 2017]. Расширяющееся пространство полномочий государства уничтожает конкуренцию и в долгосрочном плане угрожает свободе индивида так, как не смогло бы никакое сообщество.

Наличие навыка поддерживать такие ограничения на частном уровне позволяет решать множество проблем в сфере образования. Тогда порядок в школе гарантируется порядком в семье, попечителями (они же, зачастую, родители учащихся, успешные выпускники и т.д.), соответствующим наймом учителей, а не государственными органами

² Его истоки в XIX в. прослеживаются Г. Спенсером.

образования, не говоря уже о полиции. Лишь в исключительных случаях, связанных с определенными видами насилия, прописанными в уголовном праве, государство обязано вмешиваться, причем решительно. Хотя и в этом случае монополия на такое вмешательство, думаем, неконструктивна.

Формирование все новых групп инфантильных и зависимых от правительства граждан выгодно определенным группам интересов, связанных с доминирующей гражданской бюрократией и левыми политиками. Однако оно наносит труднопоправимый урон обществу, гражданским навыкам, стимулам и даже человеческому капиталу лиц, выходящих на рынок труда³. Даже в случае страны со слабым, неразвитым гражданским обществом и невысокой общественной моралью отказ от судебного-полицейского вмешательства в ситуации без явных признаков насилия был бы меньшим злом. Внятный сигнал обществу о том, что разрешение таких конфликтов требует спроса (морального) с самих себя, со своих детей и, естественно, с администрации и преподавателей школы, будет стимулировать более здоровые и своевременные реакции на аморальное поведение со стороны и родителей, и учеников. Как минимум, такие реакции не были бы отягчены соображениями “если предать историю огласке (то есть моральному суду общества), пострадает хорошая школа” (подразумевается — от государственного судебного-полицейского вмешательства).

Институты и люди

Институты (правила, нормы) не действуют без людей, которые готовы их поддерживать и защищать (как минимум, уважать). Люди, защищающие свои права и собственность, как правило, более склонны уважать права, свободы и собственность соседей. Например, хорошо известна проблема обесценения недвижимости из-за появления “нехороших соседей”.

Тут полезно вспомнить о том, что качество голосования — весьма емкий фактор, характеризующий регулятивные нормы. Он, несомненно, включает и фактор “хороших соседей”, голосующих за гарантии частной собственности потому, что они привыкли сами их уважать и требуют уважения к своей собственности.

Здесь небезынтересно напомнить, что в постсоветское время регионы, чье население голосовало в подавляющем большинстве в поддержку реформ, в наибольшей степени и выиграло от этих реформ (даже оставив в стороне особый случай Москвы, это Пермская область, Свердловская область, Санкт-Петербург, Нижегородская область и др.). Противоположная картина в регионах-аутсайдерах (Орловская область, Псковская область и многие др.). Еще более яркий контраст дают постсоциалистические страны при аналогичном сравнении (Эстония, Польша с Азербайджаном, Туркменией и Казахстаном, несмотря на ресурсную бедность первых и природные богатства последних).

Можно утверждать, что убеждения, моральные (религиозные) нормы людей, их гражданская квалификация значимо влияют на качество институтов, на возможность внедрять передовые институты и пользоваться их плодами. В этой связи мы остановимся ниже на признаках постепенного роста гражданской квалификации российских граждан как собственников, потребителей, гражданских активистов. При этом нельзя не отметить и определенную дисквалификацию их как избирателей в связи с ослаблением политической конкуренции.

Также важно отметить, что утечка мозгов, которую отмечают эксперты, может со временем дать отдачу и далеко не только экономическую. Россияне с опытом жизни в разных странах могут способствовать заимствованию эффективных, передовых институтов. (К сожалению, нельзя исключать и вероятности поддержки ими новейших, “передовых” институтов, которые, по выражению М. Фридмана, есть глупость, которую современный Запад “может себе позволить”).

³ Например, молодой мужчина, не имеющий понятия о своей естественной обязанности кормить семью, защищать семью и общество, зачастую ориентированный на занятость в государственном секторе, естественным образом склонен выбирать менее трудоемкие варианты обучения и карьеры, а не те, которые востребованы рынком и обществом.

Говоря о российской системе неформальных институтов как блокиратора модернизационного развития, стоит все же отвлечься от отечественного опыта и посмотреть, как шло развитие в странах, ныне достигших значительных успехов. Тогда мы увидим, что “особый путь” характерен не только для нашей страны. Каждая из стран шла к успеху (или неудачам) своим особым путем. Рассмотрим ряд примеров.

Германия — начало XIX в. В период наполеоновских войн здесь пользуется популярностью идея особого пути, “индоевропейскость” (аналог современного “евразийства” в России). Частные системы благотворительности развиты слабо, в основном сращены с полугосударственной церковью, получающей значительные суммы через государственную налоговую систему. В течение XIX в. наблюдался массовый отток предприимчивых и работающих немцев во Францию и США.

При этом следует отметить и наличие традиции германских городов с элементами политической конкуренции и судами присяжных. Сохранена в результате Тридцатилетней войны религиозная конкуренция (лютеране — католики — прочие).

Промышленный переворот начался с 1850-х гг., опыт демократии — ограниченный от ганзейских городов до Первой империи, парламентская республика всеобщего избирательного права 1919—1933 гг. Однако стабильная демократия устанавливается только с 1949 г. Причем ситуация в 1945 г. совершенно не давала поводов для оптимизма: коалиция победителей намеревалась силой навязать побежденной и разрушенной стране какие-то институты.

Япония от “революции Мейдзи” до 1945 г. Элементы архаичной “грабительской цивилизации” сохраняются до 1945 г. Частной добровольной благотворительности в конце XIX в. практически не наблюдается. Политическая конкуренция существует с 1890 г., однако в чрезвычайно искаженном виде. Над нижней палатой парламента с очень высоким имущественным цензом избирателей (порядка 1—2% населения) — назначаемая верхняя палата и император с непреодолеваемым вето. В этих условиях возникла традиция военных переворотов и политических убийств как альтернатива чрезвычайно ограниченной конкуренции (были убиты премьер-министр И. Цуеси и бывший премьер С. Ма-кото, множество действующих и бывших министров, представителей крупного бизнеса, убийцы, как правило, апеллировали к императору, утверждая, что убивали предателей). Традиций независимого суда нет.

Переход к демократической системе фактически происходит только к 1990-м гг. (сменяемость власти в результате выборов). Правда, ранее произошло становление должных гарантий частной собственности вкупе с разрушением старых групп интересов и влияния. Это способствовало быстрому подъему экономики в 1950—1980-х гг. — до уровня второй экономики мира.

Испания с 1970-х гг. В стране нет стабильной демократической традиции. Нет исторически укорененной традиции независимого суда. Политическая конкуренция на старте преобразований очень низкого качества. Бывшие подпольные коммунисты и социалисты, с одной стороны, и бывшие чиновники режима Ф. Франко — с другой, при слабом идеологически “центре”. Нарастание угрозы сепаратизма.

Вступление в ЕС имело двоякий эффект: стабилизации демократических институтов, с одной стороны, и иждивенчества и готовности делегировать полномочия Брюсселю — с другой. Не говоря уже о примере далеко не лучших практик с точки зрения и политической конкуренции, и прозрачности государственных финансов. В целом пока гарантии прав собственности выглядят существенно надежнее, чем при Франко, благодаря возросшей политической конкуренции (качество которой, правда, не растет со временем — усиливаются леворадикальные тенденции).

Индия от восстания сипаев до современных рыночных реформ. Чрезвычайно устойчивая кастовая система на макро- и на микроуровне. Элементы конкуренции с исламом (не более дружелюбен и открыт к идеям личных прав, свободы и ответственности, чем индуизм) и буддизмом. Успешное внедрение после подавления восстания сипаев политической конкуренции, медийной конкуренции, независимого от власти суда (хотя

и коррумпированного). После получения независимости — непрерывные социалистические эксперименты и стагнация экономики. Слабый частный сектор и гипертрофированный государственный. Слабая благотворительность. Как в Японии, наблюдается фактор восстаний, политического террора, забастовок как инструмента, заменяющего полноценный парламентский диалог (убийство основоположника государства М. Ганди в 1948 г., премьеров И. Ганди в 1984 и Р. Ганди в 1991 г. и т.п.).

Экономические реформы 1991–2016 гг., несмотря на половинчатость и затянутость, отражают впечатляющий прогресс в отношении индийского общества к успеху и достижениям в бизнесе. Именно влияние “культурного фактора” [Roy 2002] препятствовало успешному использованию британских институтов для перехода страны к устойчивому росту подушевого ВВП еще 120–150 лет назад. Важно отметить, что реформам предшествовало фактическое свержение полупартийного режима Индийского национального конгресса, практически бессменно правившего полвека (с перерывом на 1977–1979 и 1989–1991 гг.). С середины 1990-х гг. в стране устанавливается устойчивая смена партий и партийных коалиций у власти, хотя на избирательный процесс существенное влияние оказывает прямая скупка голосов кандидатами.

Происходит быстрый рост хайтека на основе “реэспорта мозгов” и притока капиталов бывших граждан (лиц с двойным гражданством). Начинаются постепенные рыночные реформы, приватизация ранее основных государственных секторов экономики (банков, телекоммуникаций, металлургии при сохранении нефтегазового сектора под государственным контролем, впрочем, его разделили на множество компаний) и сравнительно быстрый экономический рост.

Долгая дорога старых демократий. Европа на выходе из крепостного права⁴ и с начала религиозного раскола также не отличалась развитыми общественными институтами и гражданскими доблестями. Ослабление и многочисленные устойчивые расколы элит — и светских, и религиозных — создавали время от времени возможности для автономной от власти жизни граждан. При этом благотворительность существовала еще не в той форме, в какой мы ее знаем сегодня, но как некая функция огосударственной церкви. Главным “отцом” и “мужем” на контролируемой территории был феодал (олсоновский “стационарный бандит”). Как и в древности, он имел доступ не только к любому понравившемуся имуществу [Пайнс 2000], но даже ко всем понравившимся женщинам.

Ключевые для гарантий прав собственника и собственности институты развивались в Европе веками и складывались там, где в силу стечения обстоятельств элита была расколота регулярно воспроизводящейся враждой и соперничеством за власть либо внутри страны (Англия, Швеция), либо с элитой “метрополии” (Нидерланды, Швейцария). Славную революцию отделяют от сбора баронов на поле Раннимеда без малого половина тысячелетия. Тем не менее ситуация стала быстро меняться в течение XVII–XIX вв. Связь улучшений со снятием давления государства и всевозможных “бандитов” с семьи и общества сомнений не вызывает. Только по мере демонтирования патерналистских институтов гражданское общество и семья начинают складываться и развиваться на здоровой основе. Причем здесь важно также отметить, что укрепление государственных институтов пагубно сказывалось на традициях независимого гражданского общества. Так, в Англии были принудительно демонтированы мощные институты частной медицины, чтобы не создавать конкуренции медицине государственной [Грин 2009]. Нет никаких оснований утверждать, что российский опыт (1861–1913 гг. прежде всего) идет вразрез с европейским опытом.

Россия. По сравнению с ситуациями в странах, описанных выше, Россия сегодня не выглядит заведомо отсталой с точки зрения современного развития гражданского

⁴ В Англии он растянулся на сотни лет — до XVII в., а некоторые формы принудительного труда по полудобровольному контракту (indentured labor) продержались до середины XVIII в.

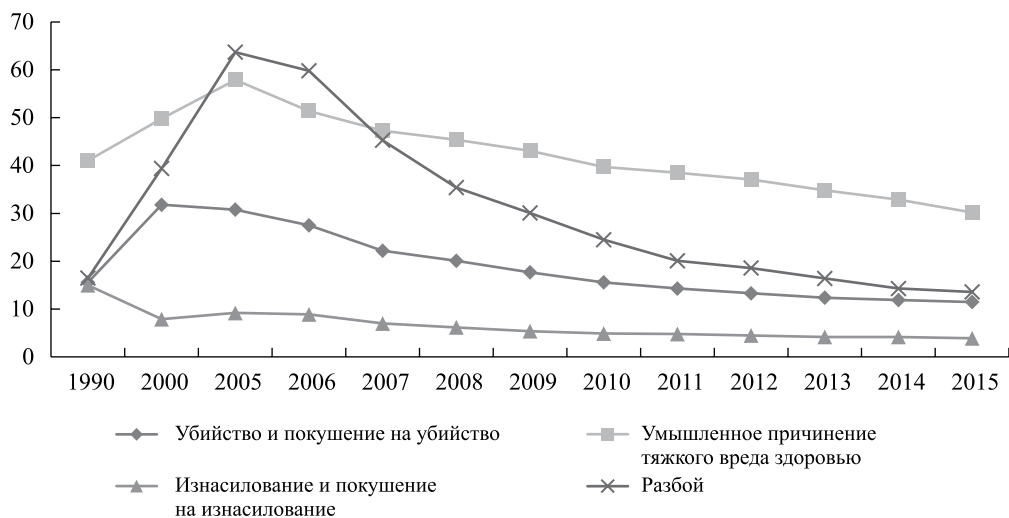

Рис. 1. Число зарегистрированных преступлений (тыс.).

Источник: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/

общества. Естественно, если сравнивать с положением в этих странах накануне старта более или менее успешной модернизации институтов.

В стране живы обе традиции — ордынско-тоталитарная и ограниченной власти (Новгород Великий, Псковское, Тверское княжества, опыт народного ополчения начала XVII в., Земские соборы, успешная судебная реформа Александра II⁵). В то же время существуют глубокие связи с современной Европой. Есть диаспора, резко выросшая и количественно и экономически с начала 1990-х гг. (возможность возвращения и мозгов, и капиталов). Есть опыты развития частной благотворительности с середины XIX в. до едва ли не сталинского периода (инфраструктура помощи 1921 г., помощь заключенным даже в 1930-е гг.). Есть и новая и быстро развивающаяся частная благотворительность начиная с 1990-х гг.

Опыт общественных дискуссий, идейного плюрализма развивался задолго до того, как ст. 13 Конституции России 1993 г. постановила, что “никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной”.

Зарабатывание денежных средств или физическим трудом, или честным предпринимательством вполне уважаемы по меньшей мере среди значимого меньшинства. Не факт, что меньшинство, предпочитающее бандитизм или госслужбу, намного более многочисленно при всех рентных доходах 2000-х гг., когда работа в государственных компаниях сочетала плюсы безопасности государственного найма и стабильно очень высокого заработка, который сложно было найти в частном секторе. В России, согласно данным исследования OECD Government at a Glance, общая численность работников государственного сектора (в том числе и весьма небогатых учителей или врачей) стабильно не превышала 20% (http://www.oecd-ilibrary.org/governance/government-at-a-glance-2013_gov_glance-2013-en). Правда, примерно треть населения (42 млн) — пенсионеры, которым присущи патерналистские настроения.

Кроме того, нельзя закрывать глаза на то, что еще в советское время в стране достаточно широко распространилась уголовная культура, презирующая труд. Ее основа (“понятия”) в свое время противостояла государственной идеологии коммунизма. Разумно ожидать, что по мере формирования надежной правовой системы эта культура будет все больше маргинализироваться. Возможность такого развития косвенно подтверждается трендом на снижение преступности даже в отсутствие заметного прогресса в развитии формальных институтов (см. рис. 1).

⁵ Обзор истории гарантий собственника и собственности в России см. подробнее [Лисин, Яновский, Жаворонков 2016].

Правда ли, что россияне необычайно легко манипулируемы?

В 2000-е гг. многие наблюдатели находили, что необычно высокий уровень доверия российских граждан власти и провластным СМИ доказывает манипулируемость аудитории, и приводили этот аргумент как пример особенностей России или иных схожих по истории и культуре стран, препятствующих формированию устойчивого спроса на права, свободы и собственность. Однако при всем влиянии государственных телеканалов в последние годы растет аудитория оппозиционных или полуоппозиционных (деловую прессу в российских условиях можно считать неким аналогом оппозиционного СМИ). Деловым телеканалом РБК и его популярным сайтом пользуются примерно 12 млн, “Эхо Москвы” слушают 5,5 млн, платный телеканал “Дождь” смотрят 4,5 млн, у блога А. Навального 1,5 млн читателей. Это создает ситуацию ужесточения медийной конкуренции. По данным ноябрьского 2016 г. опроса Левада-Центра, доверие к официальным (провластным) СМИ снижается: “Россияне стали меньше верить телевидению и традиционным СМИ”⁶.

Результаты этого опроса неплохо объясняются экономической теорией общественного выбора. Большинство людей за исключением коротких периодов общественных катаклизмов вообще мало политизировано. То есть они не готовы искать информацию о политике, а значит, легко примут ту, которая поступает к ним с минимальными издержками (см., к примеру, [Gel'man 2014]; о феномене рационального неведения — *Rational Ignorance*, см. [Downs 2009]). Однако опасно полагаться на это правило для долгосрочных прогнозов. Эффективность любого ресурса (в том числе пропагандистского) при увеличении мощности (инвестиций в ресурс), а также и со временем неизбежно снижается.

В целом можно сказать, что манипулируемость не является особым качеством российского избирателя. Она не чужда многим странам, на ней строят свою работу многочисленные политтехнологи. Разумеется, тут явный перевес за провластной пропагандой, обладающей несопоставимыми с оппозицией ресурсами. Однако и раздражение бесконечными манипуляциями, которое может, если его игнорировать, взорваться, столь же не чуждо россиянам, как и гражданам старых демократий. Это подтверждается нашей историей рубежа 1980–1990-х гг.

Некоторые измеряемые индикаторы состояния неформальных институтов в России

Мы попытались использовать и интерпретировать ряд индикаторов для оценки состояния неформальных институтов российского общества. Для этого обратились к демографическим показателям (статистика рождаемости и разводов) — позитивный и негативный индикатор, соответственно. По нашему мнению, данные показатели отражают прежде всего не экономическое состояние, а состояние института семьи и поддерживаемой им общественной морали (то есть принятие некоторых норм, связанных с семьей как необсуждаемых ценностей). Статистика последних десятилетий не дает оснований для уверенных оптимистических заключений, однако очевидно, что ситуация прекратила ухудшаться. Особенно ярко это демонстрирует статистика разводов и браков (см. рис. 2). Показатели рождаемости и смертности в последние годы также стабилизировались.

Уголовная статистика (тяжкие уголовные преступления — убийства, изнасилования) использовались нами в качестве негативного индикатора. Здесь можно с осторожным оптимизмом констатировать заметное улучшение ситуации по сравнению с концом 1980 — начала 1990-х гг. (см. рис. 1).

Анализ доступной статистики и опросов был использован для оценки структуры религиозных предпочтений (к ним обращаются, в частности, [Филатов, Лункин 2005]). Безусловное доминирование Русской православной церкви (РПЦ) в значительной степени

⁶Подробнее см. на РБК: (<http://www.rbc.ru/newspaper/2016/11/18/582dc27f9a794723c3f3a270>).

Рис. 2. Динамика браков и разводов в России 1950–2015 гг.

Источник: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

связано с фактором самоидентификации (как и в случае ислама). Огромное число лиц, практически не соблюдающих обрядовые требования религии и не посещающих регулярно мест совместных молитв, тем не менее определяет себя как православных (или, соответственно, как мусульман). Число реально в той или иной мере “практикующих” православных оценивается С. Филатовым и Р. Лункиным в диапазоне от 3 до 15 млн человек. Это уже более или менее сопоставимо с 1,5 млн протестантов (адвентистов, баптистов). То есть при нейтралитете государства и при отказе в особых отношениях как с РПЦ, так и (как в советский период) от государственного воинствующего секуляризма, становящегося популярным во многих западных странах, есть все основания ожидать усиления в России религиозно-идеологической конкуренции. Причем конкуренции без использования административного ресурса, на основе поддержания более высокого морального и интеллектуального стандарта в общинах, за счет благотворительной и иной общественной активности.

Статистика благотворительности в России отсутствует. Впрочем, с экспансией социального государства такая потеряла актуальность и сошла на нет и в Западной Европе. Однако нет сомнений, что в последние десятилетия практика коллективных усилий для оказания помощи больным и иным нуждающимся становится в России все более распространенной, хотя рост и начался с уровня, близкого к нулевому. Можно даже сказать, что в кругах “продвинутых” молодых людей занятие благотворительностью считается если не искренней потребностью, то “модным”.

Наконец, мы использовали данные опросов (архив ВЦИОМ, а также опросы, заказанные Институтом Е. Гайдара в 2007 г.) для оценок отношения населения к бизнесу, к частной собственности, к правам и свободам, а также к семейным ценностям⁷. В це-

⁷Особенно впечатляют результаты опроса среди предпринимателей, показывающие очень высокий уровень доверия внутри семьи.

лом эти данные согласуются с нашей гипотезой: ситуация с готовностью принимать ценности и законы, защищающие семью, частную собственность и самого собственника, далека от благоприятной. В то же время она далеко не безнадежна.

Так, в случае, когда на излете “лихих 90-х” был задан вопрос с откровенно запрограммированным ответом, причем ответом абсурдным: “Как вы считаете, будут ли в мире считаться с нашей страной, если, обеспечив привлекательные условия для ведения бизнеса иностранным компаниям, она перестанет быть сильной военной державой?” 29% (!) выбрали вариант “будут считаться”.

* * *

Электоральная история России, опросы, демографическая статистика обнажают множество острых проблем российского общества. Это и высокий спрос на защиту со стороны “доброго царя” и, соответственно, низкая готовность брать на себя ответственность за собственную судьбу. Это подозрение к успеху и желание ограничивать бизнес. В то же время, сравнивая текущую ситуацию со сложившейся в современных развитых странах на старте их преобразований, мы видим, что она далеко не трагична.

Доля лиц, предъявляющих в России спрос на ценности экономической свободы, защищенной собственности, даже в тяжелые времена 1990-х гг. оставалась заметной. Во всяком случае, доля меньшинства российского общества, готового потратить два–три часа своего времени (на участие, к примеру, в массовой акции) или 100 долларов из своего кармана на продвижение идей надежной защиты частной собственности и самого собственника, скорее всего, уже превышает число столь же деятельных оппонентов этих идей.

Спрос на здоровые апробированные семейные ценности также существует в обществе. Как существуют и заметные меньшинства (религиозные, предприниматели), в среде которых признаки кризиса семьи выражены намного менее остро, чем по обществу в среднем.

Если конкурентный медиарынок и независимый суд укоренился в Индии, то нет никаких оснований полагать, что возрождение соответствующих российских дореволюционных традиций и продолжение попыток уже в постсоветское время (несмотря на их неудачи) не является реальной возможностью. Если приличный уровень защиты частной собственности оказался достижим в Японии с ее традицией полутоталитарного милитаристского контроля государства над личностью и крайнего национализма, нет никаких оснований считать, что тот же результат недостижим и в России.

Вместе с тем надо сознавать, что политика откладывания строительства институтов, защищающих собственника и собственность и доказавших свою эффективность во многих странах, под предлогом неготовности общества лишь усугубляет проблему неготовности. Экономические реформы, постепенное замещение настоящей частной благотворительностью помощи бедным, не способным к заработку, различные формы (коммерческие и некоммерческие) частной медицины и образования, признание за гражданами права на необходимую самооборону со временем приведут к тому, что нынешние заметные меньшинства станут большинством российского общества. Отделение власти от собственности [Гайдар 2009] и, в целом, от бизнеса будет способствовать размыванию антипредпринимательских стереотипов.

Опыт старых демократий показывает, как правнуки рабов – забитых и беспринципных становились относительно свободными религиозными фанатиками. И как правнуки этих фанатиков построили самые свободные общества в истории человечества. Он же показывает, как правнуки свободных и отважных людей садятся на пособие или требуют себе комфортного микроклимата, где не слышно чужого мнения и возражение против их единственно верного не передается даже глазами и покачиванием головы⁸. Возможность второго перехода не новость для России, но про возможность первого не стоит забывать. Такой переход потребует многих десятилетий (по меньшей мере, жизни не одного поколения). Однако его осуществляли в прошлом другие народы, и надежда на способность к такому переходу России не представляется химерой.

⁸См., например, материалы сайтов Campusreform.org – <http://goo.gl/9Lyg4F> или <http://www.campusreform.org/?ID=7121> и Foundation for Individual Rights in Education (FIRE).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гайдар Е.Т. (2009) Власть и собственность. СПб.: Норма.
- Грин Д. Дж. (2009) Возвращение в гражданское общество: Социальное обеспечение без участия государства. М.: Новое издательство.
- Жаворонков С.В., Яновский К.Э. (2015) Конституционная экономика и защита частной собственности // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 34–46.
- Институциональные ограничения современного экономического роста. (2011) М.: Дело.
- Ле Бон Г. (2014) Психология народов и масс. Челябинск: Социум.
- Леони Б. (2008) Свобода и закон. М.: ИРИСЭН.
- Лисин В., Яновский К., Жаворонков С. (2016) Попытки модернизации в России. Судьба собственника и его собственности (институциональный анализ) (<https://ssrn.com/abstract=2732384>).
- Пайпс Р. (2000) Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований.
- Филатов С., Лункин Р. (2005) Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // *Социологические исследования*. № 6 (http://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-6/filatov_lunkin_religion.pdf).
- Элликсон Р.Ч. (2017) Порядок без права. Как соседи улаживают споры. М.: Издательство Института Гайдара.
- Azari J.R., Smith J.K. (2012) Unwritten Rules: Informal Institutions in Established Democracies Source // *Perspectives on Politics*. Vol. 10. No. 1. Pp. 37–55.
- Downs A. (2009) An Economic Theory of Democracy. New York: Harvard Univ. Press.
- Gel'man V. (2014) The Rise and Decline of Electoral Authoritarianism in Russia // *Demokratizatsiya*. Vol. 22. Issue 4. Pp. 503–522.
- Hunter G. (1968) The Transfer of Institutions from Developed to Developing // *Countries African Affairs*. Vol. 67. No. 266. Pp. 3–10.
- Lerner D., Pevsner L. (1964) The passing of traditional society: Modernizing the middle east. New York: The Free Press of The Macmillan Co.
- Meagher K. (2007) Introduction: Special Issue on 'Informal Institutions and Development in Africa' Source // *Africa Spectrum, Informal Institutions and Development in Africa*. Vol. 42. No. 3. Pp. 405–418.
- O'Donnell G. (1998) Polyarchies and (Un)Rule of Law in Latin America'. Paper presented at the Meeting of the Latin American Studies Association, Chicago, September.
- Oleinik A. (2005) Transfer of Institutions: Actors and Constraints – The Russian Case in a Global Context' HWWA Discussion paper #320, Hamburgisches Welt-Wirtschafts-Archiv (HWWA) Hamburg Institute of International Economics.
- Rosenzweig P. (2003) The Over-Criminalization of Social and Economic Conduct. Heritage Foundation. Legal Memorandum No. 7. April 17 (<http://www.heritage.org/Research/LegalIssues/lm7.cfm>).
- Roy T. (2002) Economic History and Modern India: Redefining the Link // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 16. No. 3. Pp. 109–130.
- Sa'Adah A. (2006) Regime Change: Lessons from Germany on Justice, Institution Building, and Democracy // *The Journal of Conflict Resolution*. Vol. 50. No. 3. Pp. 303–323.
- Walsh B.W., Joslyn T.M. (2010) Without Intent: How Congress Is Eroding the Criminal Intent Requirement in Federal Law. The Heritage Foundation. National Association of Criminal Defense Lawyers (http://s3.amazonaws.com/thf_media/2010/pdf/WithoutIntent_lo-res.pdf#page=11).
- Yanovskiy M., Zhavoronkov S. (2013) Electoral Demand for Secure Private Property: On the Edge of Human Capital and Institutions (March 23) (<http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2238507>).

Russian Informal Institutions and Establishment of Efficient Safeguards for Personal Liberty and Private Property?

S. ZHAVARONKOV*,

K. YANOVSKIY**

***Zhavaronkov Sergei** — senior researcher political economy and regional development studies department, Gaidar Institute for Economic Policy. Address: 3–5, Gazetny per., Moscow, 125993, Russian Federation. E-mail: javoronkov@iep.ru

****Yanovskiy Konstantin** — PhD, director of Shomron Center for Economic Policy Research (Israel), Institutional analysis division chief, Gaidar Institute for Economic Policy. Address: 3–5, Gazetny per., Moscow, 125993, Russian Federation. E-mail: janovski@iep.ru.

Abstract

Local customs (informal institutions) allegedly incompatible with Rule of Law, personal liberties and private property is the strongest argument against new attempt to transplant these institutions in the Russia. Here we explore its validity in two ways. We try to compare Russian institutions with countries which succeeded to adopt some of above mentioned institutions: Germany, Japan, India, Spain. Then we observe data of public opinion surveys (regarding basic values, private property, freedoms and liberties). We also tried to interpret some demographic and criminal statistics dynamics as indications of the state of informal institution. Eventually we arrived to conclusions, that informal institutions and popular beliefs could damage the efficiency of adoption of basic safeguards for liberty and property, but these problems are quite comparable to problems of countries taken for comparison in their initial, pre-reform conditions. Civic society development in Russia shows growing maturity of the people and gradually growing demand for advanced institutions. The initial conditions for reforms are far from perfect but nor grave, not incompatible with future successes.

Keywords: informal institutions, modernization, Russian modernization, limited government, economic freedoms, political freedom, traditional values.

REFERENCES

- Azari J.R., Smith J.K. (2012) Unwritten Rules: Informal Institutions in Established Democracies Source. *Perspectives on Politics*, vol. 10, no. 1, pp. 37–55.
- Downs A. (2009) *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harvard Univ. Press.
- Filatov S., Lunkin R. (2005) Statistika rossiskoy religioznosti: magia tcyfr i neodnoznachnaya realnost [Russian religiosity statistics: magic of the Numbers and ambiguous Reality] *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 6 (http://www.isras.ru/files/File/Socis/2005–6/filatov_lunkin_religion.pdf).
- Gaidar Y. (2009) *Vlast' i sobstvennost'* [The power and Property]. St.-Petersburg: Norma.
- Gel'man V. (2014) The Rise and Decline of Electoral Authoritarianism in Russia. *Demokratizatsiya*, vol. 22, issue 4, pp. 503–522.
- Green D. (2009) *Vozyraschenie v grazhdanskoe obschestvo. Sotsial'noe obespechenie bez uchastiya gosudarsva* [Reinventing Civil Society Rediscovery of Welfare without Politics]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Hunter G. (1968) The Transfer of Institutions from Developed to Developing. *Countries African Affairs*, vol. 67, no. 266, pp. 3–10.
- Institucionalnye ogranichenia sovremennogo ekonomicheskogo rosta* (2011) [Institutional constraints of modern economic Growth]. Moscow: “Delo”.
- Le Bon G. (2014) *Psikhologiya narodov i mass* [Psychology of the peoples]. Chelyabinsk: Sotsium.
- Leoni B. (2008) *Svoboda i zakon* [Freedom and the Law]. Moscow: IRISEN.
- Lerner D., Pevsner L. (1964) *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East*. New York: The Free Press of The Macmillan Co.

Lisin V., Yanovskiy K., Zhavoronkov S. (2016) *Popytki modernizatsii v Rossii. Sud'ba sobstvennika i ego sobstvennosti (institutsional'ny analiz)* [Attempts to Reform Russia: Tracking Back the Liberty and the Property] (<http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2732384>).

Meagher K. (2007) Introduction: Special Issue on 'Informal Institutions and Development in Africa' Source. *Africa Spectrum*, vol. 42, no. 3, Informal Institutions and Development in Africa, pp. 405–418.

O'Donnell G. (1998) *Polyarchies and (Un)Rule of Law in Latin America* Paper presented at the Meeting of the Latin American Studies Association, Chicago, September.

Oleinik A. (2005) *Transfer of Institutions: Actors and Constraints – The Russian Case in a Global Context* HWWA Discussion paper #320, Hamburgisches Welt-Wirtschafts-Archiv (HWWA) Hamburg Institute of International Economics.

Pipes R. (2000) *Sobstvennost' i svoboda* [Property and Freedom]. Moscow: Moskovskaya shkola politechnicheskikh issledovaniy.

Rosenzweig P. (2003) *The Over-Criminalization of Social and Economic Conduct*. Heritage Foundation. Legal Memorandum N 7. April 17 (<http://www.heritage.org/Research/LegalIssues/lm7.cfm>).

Roy T. (2002) Economic History and Modern India: Redefining the Link. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 16, no. 3, pp. 109–130.

Sa'Adah A. (2006) Regime Change: Lessons from Germany on Justice, Institution Building, and Democracy. *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 50, no. 3, pp. 303–323.

Walsh B.W., Joslyn T.M. (2010) *Without Intent: How Congress Is Eroding the Criminal Intent Requirement in Federal Law*. The Heritage Foundation. National Association of Criminal Defense Lawyers (http://s3.amazonaws.com/thf_media/2010/pdf/WithoutIntent_lo-res.pdf#page=11).

Yanovskiy M., Zhavoronkov S. (2013) *Electoral Demand for Secure Private Property: On the Edge of Human Capital and Institutions* (March 23) (<http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2238507>).

Zhavoronkov S., Yanovskiy K. (2015) Konstitutsionnaya ekonomika i zaschita chastnoy sobstvennosti [Constitutional economics and private property safeguard]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 34–46.